

Центра ЕС — Азия Фрэнк Кэмерон считает, что «если раньше китайцы не были уверены в том, что ЕС будет продолжать существовать — именно таким был основной дискурс в 2009 и 2010 гг. — то сейчас они понимают, что ЕС здесь всерьез и надолго и что он очень стабилен. Они хотят увеличивать свои инвестиции в Европе. А также они понимают важность и растущую роль ЕС в международных делах» [4]. Это понимание роли ЕС в мире китайской стороной подкрепляется желанием многих европейских компаний развивать бизнес в Китае. В то же время европейским бизнесменам не нравится, что в КНР их заставляют делиться чувствительной технологической и коммерческой информацией, чтобы получить доступ к финансированию из китайских источников и доступ к системе закупок на местном уровне. Со стороны этих европейских компаний следует ожидать достаточно сильного лоббирования в пользу создания искомой Пекином ЗСТ с Евросоюзом, в рамках которой, как они ожидают, будут установлены равные условия для деловой активности.

Пока во внешней политике ЕС преобладает линия на сдерживание Китая, активно поощряемая Вашингтоном и Токио. Однако крепнущая экономическая взаимозависимость и взаимозаинтересованность в развитии делового партнерства способствуют укреплению линии на неконфронтационную вовлеченность. Последняя получила неожиданное ускорение также в контексте охлаждения российско-евросоюзских отношений из-за Украины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. China-EU: A Common Future / ed. by S. Crossik, E. Reuter. — Singapore: World Scientific Publishing Co., 2007. — P. 6.
2. Katsuji Nakazawa and Masakuni Oshirabe. China moves briskly toward closer relationship with Europe // Nikkei Asian Review, April 1, 2014 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/China-moves-briskly-toward-closer-relationship-with-Europe>. — Date of access: 01.04.2014.
3. Deepening the EU-China Comprehensive Strategic Partnership for Mutual Benefit. Joint Statement. — EU / External Action, Brussels, 31 March 2014, #140331/02.
4. Cameron, F. China is going to run up against the EU F. Cameron. [Electronic resource]. — 2014. — Mode of access: <http://www.dw.de/china-is-going-to-run-up-against-the-eu/a-17533165>. — Date of access: 01.04.2014.

«БОЕВЫЕ ГРУППЫ» ЕС

А.А. Розанов, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

Свое выступление хотелось бы начать с сюжета, который сегодня затронула в своем докладе уважаемая г-жа М. Мора, глава Представительства Европейского Союза в Республике Беларусь. Применительно к европейской оборонной политике в докладе был использован термин «overextension» («нехватка сил и средств») в том плане, что Общая политика безопасности и обороны (ОПБО) ЕС могла бы

быть более сплоченной. Это наиболее верная характеристика нынешнего состояния объединенных вооруженных сил Европы.

Идея независимой от Североатлантического альянса единой европейской военной структуры существует с середины 1990-х гг., когда был создан так называемый Еврокорпус, находившийся в подчинении НАТО и ЕС. За идеей создания автономного объединения стояло желание ведущих европейских стран «самостоятельно выстраивать свою военную политику вне рамок НАТО, в котором доминируют США».

Франко-британский саммит в Сан-Мало (декабрь 1998 г.) явился поворотным моментом в формировании политики безопасности и обороны на уровне ЕС, когда две ведущие страны пришли к выводу о необходимости проведения более амбициозной собственной оборонной политики. Катализатором этого процесса послужил опыт конфликтов на территории бывшей Югославии, продемонстрировавший, что Европа, располагавшая вооруженными силами в 1,8 млн человек, не смогла эффективно использовать этот потенциал. С одной стороны, эти силы были плохо приспособлены к реагированию на кризисные ситуации, с другой, просто не существовало механизма для формирования вооруженных сил ЕС. Задачей стало обретение Евросоюзом способности к автономным действиям на основе эффективных вооруженных сил, механизмов их использования и готовности применения.

Идея совместной Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) документально была оформлена на Кельнском саммите (июнь 1999 г.), а решения о ее военной составляющей были приняты на Хельсинкском саммите (декабрь 1999 г.) под названием «Основопологающая цель» (Headline goal). Было принято решение создать к 2003 г. потенциал, позволяющий в двухмесячный срок развернуть военный контингент численностью 50—60 тыс. («корпус быстрого развертывания») для проведения операций ЕС различного уровня интенсивности во всех регионах мира.

В 2003 г. начался практический этап воплощения ЕПБО в жизнь. ЕС приступает к непосредственному осуществлению миротворческих операций и принимает Европейскую стратегию безопасности (2003). Евросоюз взял на себя осуществление миссии в Боснии и Герцеговине, которую раньше на протяжении почти семи лет осуществляла ООН, приступил к первой военной миротворческой операции «Конкордия» в Македонии, предпринял первую военную операцию за пределами Европы — «Артемис» в Демократической Республике Конго. Таким образом, был дан мощный старт миротворческой деятельности Евросоюза.

К концу 2003 г. стало очевидно, что заявленная «Хельсинкская основопологающая цель» слишком масштабна и, несмотря на многосторонние усилия, не реализуема в полном объеме к установленному сроку. Из общей численности вооруженных сил стран — членов ЕС (1,8 млн чел.) изначально предполагалось выделить в «корпус быстрого развертывания» примерно 200 тыс. военнослужащих (чуть больше 10 %) с тем, чтобы иметь возможность развернуть «на поле действий» до 60 тыс., т. е. всего 3 % от общей численности вооруженных сил. Но и это неэффективное использование военного ресурса оказалось непосильной задачей [1, с. 6].

Поэтому в 2004 г., без отказа от цели создать 60-тысячный контингент был утверждён принципиально новый подход к организации и функционированию вооружённых сил. Комплекс радикальных масштабных решений в области европейского оборонного строительства был провозглашён в амбициозной программе «Головная цель — 2010» на саммите в Брюсселе. Концептуальной основой этой программы явилась Европейская стратегия безопасности (декабрь 2003 г.), ставшая первой чётко сформулированной доктриной ЕС в области безопасности и обороны. Программа «Головная цель — 2010» служила, таким образом, первым вариантом конкретизации этой доктрины, планом её практической реализации [2]. В отличие от «Хельсинкской основополагающей цели» она была сфокусирована на качественной стороне военных возможностей ЕС, формировании мобильных вооружённых сил, способных быстро реагировать на новые угрозы.

Сердцевину этих решений представляла концепция формирования подразделений быстрого реагирования и развертывания, названных «**боевыми группами**» (**Battlegroups**). Вместо объединённого армейского корпуса Евросоюз сделал упор на создание мобильных частей малой численности — речь шла о создании подразделений очень высокой готовности и эффективности. Такая войсковая единица должна представлять собой усиленный батальон численностью до 1,5 тыс. солдат с авиационными и морскими силами. «Боевая группа» должна быть подготовлена и оснащена для возможного развертывания в течение 10—15 дней и для ведения самостоятельных действий сроком до 120 дней. Всего предполагалось формирование системы из 6—10 таких групп к 2007 г. [3] Эти части могли создаваться либо одной страной — членом ЕС, либо совместно несколькими странами, причем во взаимодействии с Силами быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force — NRF) [4].

Ведущие страны ЕС довольно активно взялись за реализацию новой концепции. Первая боевая группа ЕС заступила на дежурство в 2005 г., а в 2007 г. объявлено об обретении силами полной боевой готовности. Начиная с 2007 г., каждые полгода на дежурство заступают по две боевые тактические группы ЕС численностью около 1,5 тыс. чел., что потенциально позволяет одновременно проводить две различные операции.

На настоящий момент опыт создания «боевых групп» носит неоднозначный характер. Всего в ЕС созданы 19 подразделений, из них 16 батальонов, состоящих из 1 500 военнослужащих, и 3 батальона по 2 500 чел., два из которых могут быть развернуты в любое время.

С одной стороны, показательно, что боевые группы до сих пор **ни разу не были использованы в операциях**, хотя в некоторых случаях такие варианты рассматривались, например, в отношении Чада (2008 г.), Ливии (2011 г.) и Мали (2013 г.). Проблема связана как с несоответствием конкретных кризисов критериям, необходимым для развертывания данных подразделений, так и с политическими сложностями.

С другой стороны, одной из целей создания боевых групп была трансформация национальных вооружённых сил, повышение их совместимости и развитие собственного оборонного потенциала. На этом направлении были достигнуты

определенные успехи. Так, в 2008 г. руководящий совет Европейского оборонного агентства одобрил «План развития возможностей» (Capability Development Plan). Некоторые эксперты рассматривают «боевые группы» как прообраз Европейских вооруженных сил (так называемой «Евроармии»), создание которых поддерживается ведущими странами ЕС, прежде всего Германией, Францией и Италией. Но большинство исследователей достаточно критично относятся к составу подобных сил. Многие приписанные туда подразделения не обладают оперативной совместимостью друг с другом и не подкреплены возможностью транспортной переброски в места потенциального совместного использования. Характерно, что и силы ЕС, и силы быстрого реагирования НАТО полностью комплектуются только европейскими солдатами, США предоставляют лишь отдельные средства боевого обеспечения для нужд Альянса. В результате большинство воинских подразделений приписаны и к силам ЕС, и к силам НАТО. Среди выявленных ЕС «пробелов» в области оперативного реагирования также необходимо отметить отсутствие дальней транспортной авиации, сил и средств тактической и стратегической разведки, систем оперативного управления и связи, современных систем высокоточного оружия, включая крылатые ракеты. По состоянию на 2013 г. у европейских стран НАТО в совокупности в регулярных вооруженных силах состояло около 2 млн военнослужащих, вместе с тем только 3—5 % из них могли быть размещены на стратегическом удалении от ЕС для участия в операциях по стабилизации и в миротворческих миссиях.

Можно отметить, что на сегодняшний день «боевые группы» ЕС — скорее проект виртуальный, чем практический. Как показывает практика, боеспособность европейских вооруженных сил находится на недостаточно высоком уровне. Состав и численность подразделений, порядок командования, взаимодействия с другими руководящими органами Евросоюза, характер выполняемых задач — все эти проблемы остаются нерешенными. Несмотря на то, что движение в сторону создания общеевропейских вооруженных сил налицо, вопрос существования «Евроармии» как реальной альтернативы силам НАТО в Европе остается весьма сомнительным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Европейский Союз и региональные конфликты / отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — 143 с.
2. Журкин, В. Военные структуры ЕС: цель — 2010 / В. Журкин // *Соврем. Европа*. — 2005. — № 3. — С. 5—12.
3. The EU Battlegroups (Note) / European Parliament, Directorate-General for External Policies of the Union [Electronic resource]. — Brussels, European Parliament, 12 September 2006 (DGExPo/B/PolDep/Note/2006_145). — 9 p. — Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/091006eubattlegroups_/091006eubattlegroups_en.pdf. — Date of access: 11.05.2014.
4. Михайлов, В. У Евросоюза — призывной возраст / В. Михайлов // *Независимое военное обозрение* [Электронный ресурс]. — 2010. — 4 апр. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2010-04-02/1_eurounion.html. — Дата доступа: 20.04.2014.